

1

Джудит Беллвуд нарочно подставила мне подножку на математике.

И ведь я видела, как она высунула в проход свою белую кроссовку. Но реагировать было уже поздно.

Я как раз несла тетрадь к доске, чтобы записать на ней задачу. Так и шла, на ходу вчитываясь в свои каракули. Почерк у меня далеко не самый разборчивый.

А тут вдруг эта белая кроссовка, и остановиться я не успела. Так и споткнулась о нее, и рухнула, больно ударившись локтями и коленями. Само собой, листочки из тетради разлетелись по полу.

Весь класс, конечно же, решил, что это просто умора. И пока я с трудом поднималась, галдел и хохотал. А громче всех заливались Джудит и ее подружка Анна Фрост.

Падая, я стукнулась той самой болезненной косточкой на локте, и теперь всю руку будто током пронзало. Я с трудом поднялась на ноги и

принялась собирать разлетевшиеся листочки, чувствуя, как лицо наливается густым помидорным румянцем.

— Эффектный бросок, Сэм! — с широкой ухмылкой прокомментировала Анна.

— Повтор острого момента! — подхватил кто-то.

Подняв голову, я увидела злорадный блеск в зеленых гляделках Джудит.

Среди девчонок в нашем седьмом классе я — самая рослая. Нет, поправка: я — самая высокая среди всех учеников нашего седьмого класса. И я как минимум на два дюйма выше моего друга Кори Блинна, а из мальчишек он выше всех.

А еще я — самый неуклюжий человек из всех, какие когда-либо спотыкались, бродя по земле. Я вот о чем: мой высокий рост и стройность еще не означают, что я грациозна. Можете поверить, это не про меня.

Но с чего вдруг все угорают со смеху, стоит мне в очередной раз запнуться о мусорную корзину, уронить поднос в столовой или не заметить чью-нибудь подножку на математике?

Просто потому, что Джудит и Анне нравится издеваться надо мной, вот и все.

Я знаю, что за глаза обе зовут меня Цаплей. Мне Кори говорил.

А еще Джудит вечно потешается над моей фамилией. Я Саманта Бёрд — звучит как слово «птица», только пишется по-другому. «*Лети-ка ты давай отсюда, Птичка!*» — то и дело говорит она мне, и как ей только не надоедает. А потом

они с Анной хохочут, будто шутки смешнее в жизни не слышали.

«Лети-ка ты давай отсюда, Птичка!»

Ха-ха. Обхохочешься.

Кори говорит, что Джудит просто мне завидует. Глупость какая. В смысле, с чего вдруг Джудит завидовать мне? Она-то не дылда. Ее рост — пять футов два дюйма, в самый раз для двенадцати лет. И грациозная она. И спортивная. И правда очень симпатичная — с нежной светлой кожей, большими зелеными глазами и вьющимися рыжими волосами до плеч.

Так чему еще ей завидовать?

По-моему, Кори просто пытается поднять мне настроение, но получается у него *паршиво*.

В общем, сгребла я свои бумажки и запихнула их обратно в тетрадь. Шэрон спросила, не ушиблась ли я. (Шэрон — наша математичка. В средней школе Монтроуз принято звать учителей по имени.)

Я пробурчала, что я в порядке, хотя локоть болел адски. И стала переписывать задачу на доску.

Мел жутко скрипел, все стонали и жаловались. А что я сделаю? Никогда не умела писать на доске и не скрипеть при этом мелом.

И вообще, было бы на что жаловаться.

Я слышала, что Джудит опять что-то наговаривает на меня Анне, но не слышала, что именно. Оторвавшись от задачи, я увидела, как эти двое хихикают и глазют на меня с противными ухмылочками.

И кто бы сомневался — задачу я так и не решила. Ошиблась где-то в уравнении и не смогла найти где.

Шэрон подступила ближе, встала за моей спиной, скрестив костлявые руки на груди поверх свитера мерзкого тускло-зеленого цвета. Шевеля губами, она читала, что я понаписала, и искала ошибку.

И тут, конечно, Джудит подняла руку и заявила:

— Я нашла ошибку, Шэрон. Бёрд считать не умеет. Четыре плюс два будет шесть, а не пять.

Опять я покраснела.

Не знаю даже, что бы я делала без Джудит, кто бы тогда указывал на мои ошибки всему классу!

Все опять давай смеяться. Даже Шэрон развеселилась.

А мне пришлось стоять столбом и терпеть. Кто у нас кулема? Правильно, дурочка Саманта, посмешище всего класса.

У меня аж рука тряслась, пока я стирала злополучную ошибку и переписывала цифры так, как надо.

Как же я злилась. На Джудит. И на себя.

Но я держалась, пока шла — осторожно так шла — на свое место. И на Джудит не взглянула, даже когда проходила мимо.

Держалась до самого урока домоводства, который как раз был сегодня днем.

Тут-то и началось черт-те что.

Учительница по домоводству у нас Дафна. Мне она нравится — веселая такая толстушка, у нее и с подбородками, и с чувством юмора все в порядке.

Говорят, будто Дафна постоянно задает нам печь кексы, пирожки и шоколадные пирожные только для того, чтобы потом, когда мы уйдем домой, самой слопать их до последней крошки.

Вообще-то обидно, по-моему. Но какая-то доля правды в этом, наверное, есть.

Урок домоводства у нас сразу после обеда, так что голодными мы на него не ходим. И если уж на то пошло, почти все, что мы готовим, даже *собакам* не скормишь. Потому нашастряпня и остается нетронутой в классе.

Домоводство я всегда жду с нетерпением: и потому, что Дафна забавная, и еще потому, что из всех учителей только она не дает заданий на дом.

Всем был бы хорош этот урок, если бы только не Джудит.

В столовой мы с Джудит слегка поцапались. Сесть я постаралась как можно дальше от нее, на другом конце стола, но все равно услышала, как она рассказывает восьмиклассникам: «Птичка на математике долеталась».

Все заржали и дружно уставились на меня.

— Это же ты мне подножку подставила, Джудит! — крикнула я в сердцах. А пока кричала, перепачкала подбородок недожеванным яичным салатом.

И надо мной снова засмеялись.

Джудит сказала что-то, я не расслышала в шуме столовой. Ухмыльнулась, глядя на меня, и встряхнула своей рыжей гривой.

Я чуть было не вскочила и не кинулась к ней. Не знаю *зачем*. Но я была так зла, что даже мысли путались.

На мое счастье, к столу подошел Кори. Выложил свой обед, повернул стул спинкой вперед, как обычно, и сел напротив меня.

— Ну и сколько будет четыре и два? — поддразнил он.

— Сорок два,— закатывая глаза, ответила я и с горечью спросила: — Джудит поверил, да?

— Само собой, поверил.— Он принялся открывать коричневый бумажный пакет с обедом.— Джудит есть Джудит.

— И что это значит? — возмутилась я.

Он пожал плечами и сверкнул улыбкой.

— Без понятия.

Кори вообще-то симпатичный. У него темно-карие глаза, от уголков которых разбегаются морщинки, нос длинный, но самую чуточку, а улыбка забавная, кривоватая.

Волосы у него шикарные, только вечно лохматые. Вот он и таскает бейсболку не снимая. На ней эмблема «Орландо Мэджик», хоть он и не знает эту команду и ему вообще нет до нее дела. Просто бейсболка нравится.

Кори заглянул в свой пакет и скривился.

— Опять? — спросила я, вытирая свою футболку, заляпанную яичным салатом.

— Ага, опять,— мрачно подтвердил он. И вытащил тот же обед, который давал ему с собой отец каждое утро,— сандвич с жареным сыром и апельсин.— Бе-е.

— Но почему отец так и кладет тебе каждый день этот жареный сыр? — спросила я.— Ты что, не объяснял ему, каким холодным и противным он становится к обеду?

— Я-то объяснял.— Кори со стоном поднял половину сандвича и оглядел ее, как образец для анализа.— А он говорит, это источник полезного белка.

— И зачем он нужен, этот полезный белок, если ты каждый день выбрасываешь его? — спросила я.

Кори криво усмехнулся.

— А про то, что выбрасываю, я ему не говорил.— Запихнув сандвич с резиновым сыром обратно в пакет, он принялся чистить апельсин.

— Вовремя ты подошел.— Я доела остаток своего сандвича с яичным салатом.— А я чуть было не кинулась убивать Джудит.

Мы оба посмотрели на дальний конец стола. Джудит и две восьмиклассницы, развалившись на стульях, над чем-то смеялись. У одной из

них был с собой журнал — «Пипл», — кажется, и она показывала остальным какой-то снимок из него.

— Не убивай Джудит, — посоветовал Кори, продолжая чистить апельсин. — Тебе влетит.

Я презрительно хмыкнула:

— Серьезно? Да меня наградят!

— Убьешь Джудит — ваша баскетбольная команда больше не выиграет ни одного матча. — Кори старательно трудился над своим апельсином.

— Ну ты изверг! — вырвалось у меня, и я бросила в него комком фольги от моего сэндвича. Комок отскочил от груди Кори и упал на пол.

Кори прав, конечно. Джудит не просто играет лучше всех в нашей команде «Мустанги Монтроуза»: кроме нее, играть как следует больше не умеет *никто*. У нее даже дриблинг здорово получается и мяч не путается в ногах. И меткость на высоте.

А я, само собой, играю *хуже всех* в команде.

И я это признаю. С такой неуклюжей кулевой, как я, «Мустангам» на баскетбольной площадке ловить нечего.

А я и не рвалась в команду. Знала же, что только опозорюсь.

Но Эллен затащила меня. Эллен — это наш баскетбольный тренер. Вот она и уговорила меня играть в команде.

— С твоим-то ростом, Сэм, — убеждала она, — ты просто обязана играть в баскетбол. У тебя дар!

Ага, как же. Дар неуклюжести.

В кольцо я вообще не попадаю, даже на штрафных бросках. На штрафных особенно.

И даже пробежаться не в состоянии, чтобы не запнуться о собственные кроссовки. И кисти рук у меня не по росту малы, так что ни принимать, ни отдавать пасы у меня не выходит толком.

Зато Эллен наверняка уяснила: *высокий рост — не только у звезд.*

Но теперь ей неловко выставить меня из команды. И я не сдаюсь. Выкладываюсь на тренировках. В смысле, все надеюсь, что у меня будет получаться лучше. Потому что хуже просто некуда.

Вот если бы еще Джудит не так задирала нос.

И если бы она только поменьше цеплялась ко мне.

Но, как выразился Кори, Джудит есть Джудит. На тренировках она и орет на меня, и потешается надо мной, и глядит на меня свысока, как на мелюзгу (как же мне порой хочется быть маленькой и незаметной!).

«Птичка, да угомонись уже и лети-ка давай отсюда!»

Еще раз скажет такое, я ей в глаз врежу. Вот увидите.

— О чем задумалась, Сэм? — ворвался в мои горестные мысли голос Кори.

— О Джудит, само собой,— буркнула я.— О мисс Идеал.

— Это ты брось,— велел он, разделяя апельсин на дольки.— Между прочим, в тебе тоже есть кое-что хорошее.

— Да ну? — вскинулась я.— И что же это? Мой рост?

— Нет.— Только теперь он сунул в рот первую из апельсиновых долек. Впервые вижу, чтобы так долго чистили апельсин! — Еще ты умная,— продолжал он.— И смешная.

— Спасибо тебе,— нахмурилась я.

— А еще ты ужасно щедрая,— добавил он.— Такая щедрая, что как раз хотела отдать мне вот этот пакет чипсов, правда?

И он сцапал чипсы, прежде чем я успела отнять их.

Так и знала, что он нахваливает меня неспроста.

Осталось только смотреть, как Кори уминает мои чипсы. Со мной он ни одной штучкой не поделился.

Потом прозвенел звонок и я побежала на домоводство.

Там-то я и сорвалась.

Случилось вот что: мы готовили пудинг из тапиоки. И это была довольно грязная работенка.

Все мы получили по большой оранжевой миске для смешивания, а ингредиенты были разложены на длинном столе возле плиты.

Я так увлеклась, пока мешала. Масса была приятной, вязкой и здорово чавкала, пока я возила в миске длинной деревянной ложкой.

Вот только руки почему-то стали липкими. Наверное, будущий пудинг расплескался. И я прервала работу, чтобы вытереть их о фартук.

По моим меркам, я почти не насвинячила. Несколько желтых лужиц на столе не в счет. Ведь почти вся смесь осталась в миске.

Я домешала пудинг, а когда подняла голову, увидела неподалеку Джудит.

И слегка удивилась, ведь ее место — в другом углу класса, у окон. Обычно мы старались держаться как можно дальше друг от друга.

Джудит так странно улыбалась. А когда поравнялась со мной, сделала вид, будто споткнулась.

Клянусь, она просто притворилась!

И все содержимое ее миски выплеснулось мне на ботинки.

На мои новенькие синие «мартинсы».

— Ой! — сказала она.

И все. Только «ой».

Я уставилась на свои новенькие ботинки, залитые густой желтой смесью.

Тут-то меня и прорвало.

Я взвыла и вцепилась в горло Джудит.

Никаких планов мести я не вынашивала. Наверное, просто ненадолго тронулась умом.

Вот и схватила Джудит за шею обеими руками и принялась душиить.

Ведь ботинки были *совершенно новые!*

Джудит отбивалась и пыталась визжать, схватила меня за волосы, силилась оцарапать.

Но я не отпускала ее шею и рычала разъяренной тигрицей.

Дафне пришлось разнимать нас.

Она схватила меня за плечи, оттащила и втиснулась между нами, отгораживая нас одну от другой.